Даниелян Тарон Рудольфович, кандидат филологических наук, доцент кафедры армянского языка и литературы, Ванадзорский государственный университет имени О. Туманяна, Ванадзор, Республика Армения; e-mail: t5plus@yandex.ru

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЦЕНЗОРА С. МЕЛИК-МЕГРАБОВА В КАВКАЗСКОМ ЦЕНЗУРНОМ КОМИТЕТЕ (1872–1890 гг.)

В статье на материале архивных документов и газетных публикаций рассматривается деятельность цензора С. Мелик-Меграбова, его отношение к сотрудникам прессы, а также к коллегам по Кавказскому цензурному комитету. Проанализированные документы позволяют сделать вывод о том, что в своей деятельности С. Мелик-Меграбов руководствовался личными амбициями, финансовыми интересами, прикрытием для которых была государственная служба. Если суждения цензора относительно деятельности Кавказского цензурного комитета и местной административной власти с течением времени менялись, то оценка проблем тифлисской прессы неизменно носила тенденциозно негативный характер. В то же время многие его прогнозы и доносы основывались на фактах, но информация не всегда подавалась объективно, так что личность цензора высшими инстанциями воспринималась негативно.

***Ключевые слова**: Главное управление по делам печати, армянская пресса, грузинская печать, русская пресса Тифлиса, печать на восточных языках.*

Taron R. Danielyan, PhD in Philology, Associate Professor at the Chair of Armenian Language and Literature, Tumanyan Vanadzor State University, Vanadzor, Republic of Armenia; e-mail: t5plus@yandex.ru

THE ACTIVITIES OF CENSOR S. MELIK-MEHRABOV IN THE CAUCASUS CENSORSHIP COMMITTEE (1872–1890)

The article presents some aspects of the activities of censor S. Melik-Mehrabov. On the material of archival documents and newspaper publications, the factors that influenced the work of the censor and his attitude towards the press staff, as well as his colleagues at the Caucasus Censorship Committee, are revealed. The reviewed materials allowed the author to conclude that during the years in the Censorship Committee, S. Melik-Mehrabov was guided by personal ambitions. His attitude towards the local press in most cases depended on interpersonal relations with the editorial staff, and the interpretation of the creative products and activities of local and foreign authors was often governed by the judgment of colleagues, irrespective of whose opinion he could draw directly opposite conclusions. Discussions on the content of the local and foreign press were of a wary and proactive nature, which often served as a means of compromising the chairman and some employees of the

Caucasus Censorship Committee in order to discredit their work and ultimately isolate them from the team. Subsequently, he was dismissed from the Censorship Committee. The demonstrative aspiration to please the Russian throne contributed to the building of a stereotypical image of the Tiflis press, in which the censor, not without reason, recorded the generation of narrowly national ideas on the part of forces disloyal to the Russian political system. This circumstance was often ignored by the local leadership, but sometimes it had a rather serious impact on decision-making by the city authorities.

***Key words**: General Administration of Press Affairs, Armenian press, Georgian press, Russian press in Tiflis, publications in oriental languages.*

DOI: 10.30547/vestnik.journ.1.2023.164187

Введение

Развитие периодической печати в Российской империи определялось не только политическими и экономическими процессами, законодательными нормами и многочисленными циркулярами, но и межличностными отношениями работников цензуры и органов печати. Большое количество цензурных правил создавало благоприятную почву для произвола, вследствие чего на местах появлялись широкие возможности «либо для облегчения цензурного режима, либо для его крайнего ужесточения» (Жилякова, 2019: 256).

Естественно, что и пресса, выходящая в пределах Кавказского наместничества Российской империи, развивалась под влиянием этих факторов. Армянский публицист, издатель газеты «Мшак» («Մշակ» – «Труженик») Григор Арцруни, намекая на отрицательные явления во взаимодействии цензуры и органов печати, отмечал, что цензурные правила позволяют местной прессе быть достойными представителями интересов общества, но цензоры и председатель цензурного комитета должны быть настолько опытными, беспристрастными и образованными, чтобы понять истинный смысл получаемых инструкций, а не следовать им механически[1].

Исследователи истории российской цензуры отмечают, что свою роль цензоры понимали по-разному: «Широта мировоззрения, эрудиция позволяли одному согласовывать требования властей с этнической культурой, другому же был непонятен язык иной культуры, соответственно его оценки носили явный отпечаток стереотипов, субъективизма, усердной осторожности. Немалую роль играло и такое личное качество цензурирующего, как желание особо выделиться перед начальством» (Аракелян, 2004: 121).

Было много случаев, когда «местные цензоры, боясь репрессий <...> не пропускали в печать те материалы, которые печатались в Санкт-Петербурге и Москве. Редакторы в свою очередь считали, что чиновники руководствовались не цензурным уставом, а “личным произволом”» (Патрушева, 2013: 271).

Кавказский цензурный комитет, учрежденный в 1848 г., изначально руководствовался общими законоположениями, а также устными инструкциями Наместника, которые, как замечали современники, не носили официального характера[2]: члены Кавказского цензурного комитета заявляли, что получали «словесные наставления и инструкции, о характере и системе которых они определительно выразиться не в состоянии»[3]. Именно этот фактор предопределял субъективный подход при цензурном рассмотрении материалов периодической печати. В 1883 г. ситуация несколько изменилась. Это было обусловлено тем, что Кавказский цензурный комитет, находившийся в ведении Главного управления Наместника, был подчинен Главному управлению по делам печати МВД. Цензоры стали посредниками между издателями и столичным руководством и сыграли решающую роль в освещении деятельности местных органов печати.

К постановке вопроса

В истории российской дореволюционной цензуры довольно противоречивой личностью является Соломон Мелик-Меграбов (Сулейман-Хан Мелик-Меграбов). За 20 лет своей деятельности в Кавказском цензурном комитете он сыграл роковую роль в судьбе многих общественных деятелей, представителей искусства и духовенства, а «в государственной информационно-коммуникационной системе был не только барьером для передачи информации, но и создателем и распространителем стереотипных образов коммуникаторов-адресантов в лице работников редакций газет и журналов» (Даниелян, 2021:16).

Современники между собой называли С. Мелик-Меграбова «ханом», так как его родословная восходила к персидским ханам (Патрушева, 2011: 82)[4]. Его также называли «палачом мысли» (Мхитарян, 1974: 105) и «беспощадным рознецом»[5]. Сам цензор с гордостью рассказывал, что редакторы местных газет, узнав о передаче изданий именно ему, немедленно являлись в типографии и забирали уже сверстанные статьи, «объясняя недоумевавшим

лицам в типографии, что с сегодняшнего дня цензурирует Меграбов, и он этих статей ни в каком случае не пропустит»[6].

Грузинские исследователи приводят следующий факт: публицист Н. Николадзе вызвал на дуэль самого председателя цензурного комитета Д. Пурцеладзе (между прочим, своего большого почитателя) за то, «что тот назначил (в угоду наместнику Михаилу Романову) невежественного в области русской журналистики цензора Мелик-Мегрибова (являвшегося специалистом лишь по восточным языкам) главным арбитром по русским изданиям на Кавказе» (Чиковани, 1989: 127).

В тифлисском окружном суде, где рассматривалось дело издателя газеты «Обзор» Н. Николадзе по обвинению в публикации запрещенных цензурой заметок, обвиняемый ссылался на то, что, согласно статье 139 Устава цензуры, в Кавказском цензурном комитете должны были быть два цензора: один для русского и европейских языков, второй – для местного и восточных языков. В связи с тем что С. Мелик-Мегрибов окончил Лазаревский институт восточных языков, он не имел права цензурировать русскоязычные издания[7]. В конце концов Н. Николадзе оштрафовали за то, что из-за цензурных притеснений ночью он взломал дверь и разбил окна квартиры С. Мелик-Мегрибова[8].

Армянские историки характеризуют С. Мелик-Мегрибова как «радикально реакционного, антинационального» (Мелконян, 2016: 65) деятеля, который «убивал» армянскую журналистику. Его двадцатилетняя служба в Кавказском цензурном комитете создала впечатление, что он «страдал некоей одержимостью искать, находить и наказывать “врагов” армянского литературного мира» (Мхитарян, 1974: 106).

Азербайджанские исследователи характеризуют С. Мелик-Мегрибова и других цензоров как «душителей тюркской печати» (Мовлаева, 2016: 17). Отмечается также, что цензоры армянского и восточных языков Кавказского цензурного комитета были в основном армяне, которые «старались, с одной стороны, препятствовать развитию азербайджанской печати, с другой – поддерживали враждебное настроение в русской общественности ко всему тюркскому и мусульманскому» (Гаджиева, 2018: 142).

На наш взгляд, в работе цензоров Кавказского цензурного комитета этнический фактор – как принцип выборочного рассмотрения содержания статей и непредвзятого решения по вопросу публикации материалов – имел второстепенное значение. В целом цензоры

относились настороженно ко всем сочинениям, в которых содержались материалы национального и идеологического характера.

Сам С. Мелик-Меграбов одной из косвенных причин своего увольнения с работы считал «армянский мотив». По его мнению, армяне не могли простить ему, как своему соплеменнику, те притеснения, которым подвергалась армянская печать[9]. В апреле 1890 г. ему было адресовано анонимное бранное письмо, в котором угрожали убить его, если он будет и в дальнейшем притеснять две армянские газеты: «Ардзаганк» («Արձագանգ» – «Эхо») и «Нор-Дар» («Նոր-Դար» – «Новый век»)[10], которые имели национально-консервативное направление.

Деятельность С. Мелик-Меграбова до сих пор изучалась в контексте истории цензурного управления и во взаимоотношениях с редакциями (см.: Патрушева, 2013; Арешян, 1957; Мхитарян, 1974; Геворкян, 1996; Зейналов, 1990).

В рамках нашего исследования будут проанализированы некоторые аспекты деятельности С. Мелик-Меграбова в годы работы в Кавказском цензурном комитете, а также его отношение к тифлисской периодической печати. Мы постарались выявить критерии, которыми руководствовался цензор, и раскрыть истинные причины его отношения к многоязычной прессе Тифлиса.

Методической основой работы стал комплексный подход, системно соединивший описательный и сопоставительный принципы анализа текстов в диахроническом и синхронном разрезах. Источниками для проведения исследования послужили четыре основные группы материалов:

– делопроизводственные документы: отчеты, рапорты, протоколы, официальная переписка и т. д. Документы доступны в фондах РГИА (Ф. 776. Главное управление по делам печати МВД), Национального архива Грузии (Ф. 480. Кавказский цензурный комитет). Многие архивные документы вводятся в научный оборот впервые;

– письма. Впервые вводятся в научный оборот некоторые письма С. Мелик-Меграбова и других чиновников кавказских учреждений, которые хранятся в вышеназванных архивных фондах. В поле нашего исследования также находились письма армянских писателей, которые ранее были опубликованы в академических изданиях;

– дневники. В этой группе особое место занимают дневники из фонда кавказоведа Е. Вайденбаума, которые хранятся в Грузинском национальном центре рукописей (Д. 59-72);

– газетные публикации и брошюры: новостные заметки, аналитические материалы, судебная хроника. Нами рассмотрены армянские («Мшак», 1872–1892; «Ардзаганк», 1882–1892; «Мегу Айастани», 1872–1886; «Нор-Дар», 1883–1892) и русские («Кавказ», 1872–1892; «Новое обозрение», 1884–1892) газеты Тифлиса

Если в официальных документах и в газетных источниках фактические данные несут объективную информацию, то в письмах и дневниках очевидна субъективность трактовки фактов и явлений, что обусловлено межличностными отношениями С. Мелик-Меграбова с его окружением. Для беспристрастного изложения материала мы старались сопоставить разные источники и позиции.

Принципы работы С. Мелик-Меграбова в Кавказском цензурном комитете

Соломон Мелик-Меграбов был назначен младшим цензором местных и восточных языков Кавказского цензурного комитета 20 октября 1872 г.

В 1875 и 1877 гг. несколько месяцев Мелик-Меграбов был исполняющим обязанности председателя, а с 1 февраля 1878 до 1890 г. работал старшим цензором того же комитета. В 1870-х гг. он дважды за несколько месяцев исполнял также обязанности цензора русских и европейских изданий, так как в цензурном комитете не могли найти подходящую кандидатуру на данную вакансию. 3 сентября 1881 г. за отличную службу ему была назначена ежегодная прибавка к жалованью 1 000 рублей в год[11].

По решению председателя цензурного комитета, 10 октября 1889 г. для планомерного распределения работы между цензорами действительному статскому советнику (с 1888 г.) С. Мелик-Меграбову поручили цензурировать армянскую ежедневную газету «Нор-Дар», еженедельник «Ардзаганк», ежемесячный журнал «Мурч» («Մուրճ» – «Молот»), татарскую (азербайджанскую) еженедельную газету «Кешкюль» («Kəşkül»[12]) и доверили «просмотр заграничных непериодических изданий на армянском языке и мусульманских наречиях»[13]. На младшего цензора, губернского секретаря Г. Караханова возложили цензурирование армянской газеты «Мшак», детского ежемесячного журнала «Ахбюр» («Աղբյուր» – «Родник») и рукописей на армянском языке и языках мусульманских народов[14].

Такое распределение функций упорядочивало деятельность цензоров, так как до этого их работа не имела регламентированного характера. Так, например, в ежемесячных отчетах С. Мелик-Меграбова за 1886 г. видно, что цензор в январе рассмотрел 6 армянских периодических изданий и одну татарскую (33 номера, 276 страниц), 7 армянских (507 страниц) и 2 татарских (44 страницы) непериодических издания, а также 7 армянских иностранных изданий (42 номера). За февраль того же года был представлен следующий отчет: 6 армянских (16 номеров, 272 страниц) периодических изданий, 3 армянских (677 страниц) и 2 татарских (44 страницы) непериодических издания, 9 армянских иностранных изданий (82 номера)[15].

Начало работы С. Мелик-Меграбова в Кавказском цензурном комитете совпало с периодом формирования у местных народов критического подхода к социально-политическим установкам верховной власти и деятельности местного самоуправления. В обществе распространялись новые либерально-демократические идеи, сформированные под влиянием русских общественно-политических деятелей, а также национально-освободительных движений европейских стран и их идеологии. Вместе с тем «в культуре, литературе и журналистике начинал править капитал <...> в журналистике активно шло вытеснение из нее литературы» (Жирков, 2018: 307–319).

Ряд фактов указывает на то, что в первые десять лет работы в цензурном комитете отношения С. Мелик-Меграбова со многими издателями и редакторами были конструктивными. Так, несмотря на то что по закону был установлен рабочий график для рассмотрения статей, С. Мелик-Меграбов позволял редакциям представлять материалы в любое время суток – даже в полночь, а иногда в 3–4 часа утра. Таким образом, цензор шел навстречу местной прессе для своевременного издания номера[16].

Когда же в тифлисском окружном суде разбиралось дело по обвинению редактора газеты «Мшак» в публикации материалов без предварительного разрешения цензуры, Гр. Арцруни на суде заявил, что мотивом данного обвинения было вовсе не нарушение цензурных правил, а личные отношения между ним и С. Мелик-Меграбовым, которые с некоторых пор стали натянутыми. Редактор отмечал, что до этого печаталось немало оригинальных материалов без предварительного разрешения цензуры, на основании только одного доверия, которым он «пользовался весьма осторож-

но и добросовестно, корректурные же листы подписывались Мелик-Меграбовым по несколько за раз»[17].

Сам цензор по этому поводу отмечал, что доверие редактору им оказывалось относительно материалов, перепечатанных из тифлисских подцензурных газет, а оригинальные статьи без разрешения не публиковались. Такое могло произойти только при его отсутствии из-за болезни, когда председатель цензурного комитета подписывал разрешение сам, доверяясь переводу Гр. Арцруни. В то же время С. Мелик-Меграбов признался, что в частном разговоре с Гр. Арцруни он заметил, что некоторое доверие, взаимное облегчение труда для успеха «общего дела не бесполезно, но по некоторым причинам впоследствии он вынужден был лишить Арцруни прежнего доверия»[18].

Были также случаи, когда армянские издатели публично оценивали деятельность С. Мелик-Меграбова, давая объективную оценку его работе. Например, когда в 1882 г. вышел в свет армянский журнал «Горц» («Գործ» – «Дело»), С. Мелик-Меграбов информировал высшие инстанции о «чуть ли не социалистическом направлении газеты», вследствие чего издание было арестовано. В связи с этим в московской газете «Русский курьер» (1882, № 147) цензора обвинили в доносительстве, а армянские газеты двух противоположных лагерей – либеральная «Мшак»[19] и консервативная «Меху Айастани»[20], – наоборот, вместе выступили в защиту цензора от нападок московской газеты. В официальной газете «Кавказ» отмечалось, что цензор, представляющий доклад как правительственное лицо, всего лишь исполнял свои обязанности, а автор письма, предположительно армянин, составивший донос по поводу национальных устремлений (речь шла о восстановлении Армянского царства), является осведомителем, к которому следует относиться с презрением[21].

Второе десятилетие деятельности С. Мелик-Меграбова в Кавказском цензурном комитете совпало с эпохой царствования Александра III, когда социально-политическая обстановка характеризовалась как «процесс поляризации политических сил» (Жирков, 2001), а восточный внешнеполитический вектор Российской империи по освобождению малых народов от османского ига сменился на более сдержанный и предусмотрительный политический курс установления доверительных отношений с Османской империей (Геворкян; 1996: 426). В это время произошли определенные структурно-административные изменения: в частности, в 1883 г.

Кавказский цензурный комитет был передан Главному управлению по делам печати, и фактически вопросы цензурирования кавказской периодической печати перешли под наблюдение Министерства внутренних дел.

В эти годы цензура боролась с любыми проявлениями революционной идеологии и «вообще с развитием национальной культуры и национального самосознания народов» (Арешян, 1957: 275). Дело иногда доходило до абсурда: в Цензурном комитете стали запрещать употребление хоронимов «Грузия» и «Армения». Вместо слова «Грузия» надо было писать «Тифлисская или Кутаисская губернии» (Табидзе, 2012: 58). С. Мелик-Меграбов требовал убрать слово «Армения» из названия газеты «Меху Айастани» («Մեղու Հայաստանի» – «Пчела Армении»). Из-за этой прихоти цензора издатель и редактор газеты П. Симонянц заказал новые литеры: слово «Меху» («Пчела») стали печатать крупным шрифтом, а слово «Айастан» («Армения») – маленькими, почти незаметными буквами (Мхитарян, 1974: 105).

Внутренняя жесткая политика, проводимая царским правительством, оставила свой отпечаток также на сотрудничестве редакций и сотрудников газеты. Многие авторы, которые писали под псевдонимами или анонимно, боялись посылать свои корреспонденции, очерки и даже новостные заметки в редакции, потому что цензоры Кавказского цензурного комитета требовали от редакторов подлинные имена авторов[22].

В этот период С. Мелик-Меграбов начал активную борьбу на два фронта: с одной стороны, он пристально следил за местной прессой и литературой, становясь главным препятствием для публикации творческих материалов разного содержания и разной идеологической направленности; с другой стороны, мишенью цензора оказались коллеги по цензурному комитету во главе с его председателем К. Якимовым, деятельность которых цензор представлял высшему руководству не в лучшем виде, подчеркивая, что надзор за местной прессой «не соответствует требованиям закона и общим интересам государства на Кавказской окраине»[23].

Сам цензор отмечал, что отношения с коллегами были корректными и товарищескими, а многие были назначены цензорами по его рекомендации или просьбе. После конфликта с председателем, который оскорблял С. Мелик-Меграбова на заседаниях, многие сослуживцы вне стен комитета выражали ему свое участие и дружеские чувства. Исключением был цензор Г. Караханов,

который передавал председателю цензурного комитета частные письма, а последний, в свою очередь, их направлял в Главное управление по делам печати. В этих письмах С. Мелик-Меграбов советовал молодому цензору, соблюдая строгую законность, не раздражать представителей прессы личными обращениями, а в затруднительных случаях направлять их к нему[24].

С. Мелик-Меграбов считал недопустимым ведение правосудия на местных языках, за что ратовали тифлисские газеты. Цензор сообщал также руководству о националистических или неблагонадежных политических мотивах деятельности некоторых организаций и учреждений, действующих на Кавказе. Особое внимание С. Мелик-Меграбов уделял заграничным изданиям на «туземных» языках, постановкам пьес на тифлисской сцене и рецензиям на них. Он строго относился также к рекламе издательской продукции, в которой содержались намеки на историческую память и идеологические устремления народов Кавказа.

Деятельность С. Мелик-Меграбова вне цензурного комитета

Личность С. Мелик-Меграбова в тифлисском обществе воспринималась довольно негативно, потому что он зарабатывал ростовщичеством и, как все «коллеги по данному цеху», успевал приобретать назначенные к публичной продаже имения по баснословно низкой цене, которая устанавливалась для торгов[25]. Газета «Новое обозрение», намекая на деятельность цензора, замечает, что «этот сорт людей, разжирев, обуревается жаждой общественного почета»[26], и предлагает воспретить лицам, состоящим на государственной службе, заниматься денежными махинациями: «Если с достоинством службы несовместимо занятие должности в каком-либо коммерческом учреждении, почтенном по своим целям, то как согласить с честью мундира такой промысел, как ростовщичество?»[27].

Дискредитирующие публикации в газетах были, по мнению цензора, ответным шагом армянских националистов за цензурные притеснения по вопросам, связанным с выборами армянского католикоса в 1884 г. На этих выборах С. Мелик-Меграбов был назначен представителем правительства и активно влиял на ход агитационной кампании с целью устранения одного из кандидатов – архиепископа М. Мурадяна, которого считал антироссийским кандидатом[28]. Сторонники архиепископа утверждали, что пред-

ставителем правительства во время выборов нужно назначить более высокопоставленного чиновника, чем С. Мелик-Меграбов, и это будет расценено как знак уважения к армянскому народу. Цензор повторял, что его устранение даст возможность сторонникам армянских радикальных сил «свободнее агитировать на новых выборах, а главное – скрыть следы своей агитации от правительства»[29].

23 августа 1884 г. итоги выборов армянского патриарха по донесениям С. Мелик-Меграбова были аннулированы императором Александром III, но на повторных выборах и кандидатура С. Мелик-Меграбова как представителя власти не была одобрена.

26 июля 1885 г. католикосом был утвержден пророссийский кандидат Макар I Тер-Петросян, которому импонировал С. Мелик-Меграбов, но которого не поддерживали три ведущие армянские газеты Тифлиса («Мшак», «Ардзаганк», «Нор-Дар»), считая, что, «как представитель российских армян, он не может оказать содействия решению армянского вопроса на международной арене» (Тунян, 2011: 26–27).

С. Мелик-Меграбов через полгода в своем докладе констатирует, что Макар I приказал армянским духовным лицам в России при крещении детей не нарекать их «чужими» именами, а те духовные лица, которые выступят против этого распоряжения, будут строго наказаны: «Приведенное важное распоряжение служит подтверждением его возвышенных чувств патриотизма вопреки появившимся злым нареканиям на него со стороны некоторых врагов»[30].

Увольнение С. Мелик-Меграбова из Кавказского цензурного комитета

В 1890 г. С. Мелик-Меграбов после серьезных разногласий с начальством был уволен с работы и только в 1902 г. стал отдельным цензором по внутренней цензуре в Екатеринославе, а с 1905 г. состоял в Главном управлении по делам печати, после этого был цензором Санкт-Петербургского цензурного комитета, где выделился своей бдительностью и мог «расшифровать» истинные смыслы рассмотренных текстов (Лавров, 2016: 134).

В своих письмах в разные руководящие инстанции С. Мелик-Меграбов признавался, что имел разногласия с председателем Кавказского цензурного комитета. По его мнению, К. Якимов

действовал противозаконно, вместо служебных обязанностей совершал преступные действия, которые заключались «в открытом потворстве его происками местной печати против самодержавной власти, в целях объединения всего мусульманского мира против России и восстановления армянского царства на русско-турецкой территории»[31].

Если С. Мелик-Меграбов аргументировал свое увольнение с должности старшего цензора Кавказского цензурного комитета обвинением «в пререканиях с председателем этого комитета, в беспокойстве характера и т. п.»[32], то противоположная сторона уверяла, что увольнение было следствием упорного нежелания цензора подчиняться неоднократным требованиям Главного управления по делам печати и прекратить неуместные интриги против своего непосредственного начальника и сослуживцев по Комитету[33].

Можно констатировать, что работа цензора С. Мелик-Меграбова носила субъективный характер. Его вражда с председателем Кавказского цензурного комитета была вызвана личными побуждениями, корни которых уходили в эгоцентризм цензора. По мнению руководителей цензурного ведомства, С. Мелик-Меграбов был человеком тщеславным и стремился во что бы то ни стало сделать блестящую карьеру, но был оскорблен тем, что на должность председателя цензурного комитета был назначен К. Якимов, который никогда до 1878 г. не работал в цензурном комитете[34].

Правда, отношения с начальством не складывались и при прежнем председателе цензурного комитета – Л. Модзалевском, который также считал, что С. Мелик-Меграбов использовал служебное положение и оказывал покровительство одним авторам и притеснял других[35].

В первое десятилетие С. Мелик-Меграбов сетовал, что из-за недостаточных условий надзора периодическая печать становится антигосударственной, а местное цензурное учреждение оказывается совершенно бессильным для устранения нежелательных «"предосудительных выходок" местных изданий»[36]. В последующие годы он формирует образ врагов правительства в лице не только сотрудников прессы и председателя цензурного комитета К. Якимова, но и всех членов цензурного комитета. Причина была в том, что вне службы все его коллеги избегали любых личных отношений с ним. «Запутавшись в интригах, он совершенно сбился с пути и позволял себе такие поступки, которые невозможны для челове-

ка в здравом уме»[37]. Главноначальствующий гражданской части на Кавказе А. Дондуков-Корсаков также считал неуместным нахождение С. Мелик-Меграбова на службе в цензурном ведомстве, так как тот предан «всецело устройству своих имущественных интересов и приисканий высшего служебного положения и только вредит правильному ходу дел в цензурном комитете»[38].

По поводу своего увольнения С. Мелик-Меграбов пишет, что князь А. Дондуков-Корсаков заявил, что верит в правоту цензора, но, делая выбор между ним и русским человеком, жертвует им как инородцем[39].

Примечательно, что в 1891 г., когда председателем цензурного комитета был назначен М. Гаккель, находящийся в Петербурге С. Мелик-Меграбов присылает ему поздравительную телеграмму, рассчитывая восстановиться на службе[40]. Однако, не получив положительного ответа, начинает действовать против кандидатуры нового цензора А. Кишмишева, назначение которого задерживалось именно из-за его доносов – обвинения в фанатической ненависти к русскому обществу и в радикальном национализме[41]. По этому поводу Е. Вайденбаум в своем дневнике пишет: «Замечательно, что такой отъявленный негодяй, как этот человек, находит слушателей в Петербурге и может затормозить представление самого Главнокомандующего»[42].

После увольнения еще долгие годы С. Мелик-Меграбов продолжает клеветать на работников Кавказского цензурного комитета и сотрудников редакций тифлисских газет как на страницах столичной прессы, так и в письмах в руководящие инстанции. В то же время отдельным чиновникам он писал трогательные письма о трудном финансовом положении семьи (жена и трое детей), о потере имущества, в том числе дома; писал, что «жизнь, вся посвященная беззаветной, горячей привязанности к Престолу и Отечеству»[43], отдана в жертву нескольким лицам Кавказского цензурного комитета.

Характеристика тифлисской прессы в корреспонденции С. Мелик-Меграбова

Анализ и оценка цензором проблем тифлисской прессы имели тенденциозно-негативный характер с первого дня его деятельности в Кавказском цензурном комитете. Характеристику тифлисской периодической печати С. Мелик-Меграбов дает в четырех

источниках: в армянской печати, в изданиях на восточных языках, в русской прессе и в грузинской печати.

Армянская печать

По оценке С. Мелик-Меграбова, армянская печать Тифлиса была проводником идей политической независимости армян, а также опасным каналом, по которому информация из Российской империи распространялась среди армян Османской империи, а переводы статей, содержащих «нелепые рассуждения» о русском правительстве, переходили затем на полосы «европейских газет, пользовавшихся случаем выступать со своими язвительными выходками против России и ее правительства»[44].

Причиной распространения нежелательных политических идей цензор считал несовершенство цензурных законов. Он отмечал, что вследствие строгости цензурирования армянской печати в Кавказском цензурном комитете, разрешение на публикацию своих изданий армяне получают в столицах[45]. В результате этого в общество просачиваются идеи политического возрождения армянского народа, многие представители которого располагают печатными органами на армянском и русском языках, которые пользуются большим успехом среди населения[46].

С. Мелик-Меграбов замечал также опасность в деятельности армянских благотворительных учреждений, которые имели чисто национальное направление. Для него эти организации были тайными кружками, которые под видом благотворительности или другой общественно полезной деятельности проводили политическую пропаганду «в возбуждении малоазиатских армян против турецкого владычества и в оказании им поддержки, как материальной, посредством собирания в пользу их денег и высылки оружия, так и в моральной, в виде разных статей армяно-патриотического направления в местной печати и пропаганды объединения и независимости армянского народа»[47].

Поводом для стремления армян к независимости стал Берлинский договор. С. Мелик-Меграбов отмечал, что движение за независимость армян в Османской империи отразилось и на закавказских армянах, которые прониклись «несбыточными мечтаниями о будущем восстановлении единства и политической самостоятельности как турецкой, так и русской Армении»[48]. В распространении этих идей он во многом обвинял тифлисскую армянскую консервативную печать, в авангарде которой находилась газета «Ардза-

ганк». По мнению цензора, опасное влияние на армянские газеты имели некоторые органы русской печати, которые распространяли враждебные для России идеи[49].

Обвинения со стороны цензора звучали также по поводу умышленного искажения содержания разных законов со стороны армянских издателей, целью которых было намеренно ввести армян в заблуждение[50]. Например, в 1880-е гг., когда проходили выборы армянского католикоса, в армянских газетах проводилась жесткая идеологическая пропаганда и предвыборная агитация за двух кандидатов. Степень патриотизма в обществе обосновывалась выбором того или иного кандидата. С. Мелик-Меграбов по этому поводу замечал, что эти выборы «ознаменовались в истории края агитацией против существующего законоположения об управлении армяно-григорианской церковью и интересов России в этом деле»[51].

Издания на восточных языках

Издания на восточных языках, которые в основном предназначались для мусульманского населения Кавказа, С. Мелик-Меграбов рассматривал в разных аспектах. Местная печать на татарском и персидском языках, по мнению цензора, состояла из незначительного числа бессодержательных изданий, которые не заслуживали особого внимания[52], а вот иностранные издания на восточных языках были под пристальным наблюдением С. Мелик-Меграбова, который жаловался на то, что цензурный комитет не строго следит за весьма опасным религиозно-политическим движением мусульман против России, известным под названием панисламизма – объединения мусульман[53].

В рассматриваемый период российское общество в целом было мало знакомо с этим новым идейным направлением, а мусульманское население России к началу XX в. не проявляло политической активности, но все же «дух материалов, объединявший тюрок России, заставлял российских чиновников думать «о возможных политических последствиях “пробуждения мусульман”» (Сенюткина, Гусева, 2019: 21–36), что и послужило поводом для особого надзора за иностранной прессой, которая очень часто не доходила до своих адресатов.

Так, например, с 30 октября 1885 г. до 3 июля 1887 г. в цензурном комитете оставалось большое количество мусульманских периодических изданий, которые лежали в помещении комитета в

нераспечатанных бандеролях с адресами на имя разных лиц. Таких бандеролей в комитете было несколько сотен, и в каждом пакете насчитывалось несколько тысяч экземпляров разных изданий, которые затем продали в мелочную лавку в качестве простой бумаги, причем бандероли предварительно были уничтожены.

Этот факт послужил новым поводом для усиления конфликта между С. Мелик-Меграбовым и его начальством. Обвиняя председателя цензурного комитета в халатном отношении и утрате газет, в которых содержались публикации панисламистского идеологического направления, С. Мелик-Меграбов констатировал, что на эти издания обратили внимание некоторые грамотные мусульмане, которые не только приобретали их для чтения, но и распространяли среди мусульманского населения[54].

Русская пресса

За годы работы в Кавказском цензурном комитете в переписке С. Мелик-Меграбова красной нитью проходит мысль о том, что кавказские русские газеты являются таковыми лишь по названию, так как, оставаясь под влиянием неблагонадежных лиц и продолжая безостановочно антирусскую пропаганду, они открыто выражают несогласие с чрезвычайными мерами, которые предпринимает правительство, чтобы защитить край от участившихся разбойных нападений. Эти газеты пытались доказать незаконность мер, которые якобы возбуждают «племенную рознь», и тем самым потворствуют продлению в крае неурядиц[55].

Цензор с иронией ссылался на столичные бесцензурные газеты, которые якобы с завистью смотрели на кавказскую подцензурную печать[56]. В качестве аргумента он приводит в пример заметку из газеты «Гражданин», в которой по поводу газеты «Новое обозрение» было написано, что «в Тифлисе существует газета на русском языке, с русским редактором, старающаяся осмеивать и ронять все русское»[57].

С. Мелик-Меграбов не без основания представлял русских издателей и редакторов как подставных лиц, за которыми стояла местная интеллигенция, в основном армянская, располагающая значительными средствами и влиянием в обществе[58]. Он обвинял местную буржуазию в подкупе благонадежных лиц ради пропаганды своих целей: возбуждения недовольства в населении края правительством и местной администрацией, систематического преследования и дискредитации правительственных лиц, распростра-

нения в народе духа сепаратизма, который исключал любую солидарность с русским господствующим классом[59].

В редакторских колонках и статьях тифлисских русских газет С. Мелик-Меграбов изобличал издателей, которые пытались отрицать роль вековой русской цивилизации на Кавказе, мотивировали ненужность русского языка для большинства местного населения[60], оспаривали культурное значение русского народа по отношению к «туземному» населению и при этом описывали незавидное состояние русского народа, личное счастье которого власть променяла на интересы государства[61].

Грузинская печать

По оценке С. Мелик-Меграбова, армянская печать отличалась от грузинской тем, что продвигала свои идеи в более или менее обтекаемых формах, истинное содержание которых было завуалировано и недоступно многим читателям. В то же время политическая тенденциозность в грузинской печати имела явное и определенное выражение[62].

Цензор сетовал, что в грузинской печати открыто выражалось недовольство положением грузинского народа и церкви и стремление к национальному сепаратизму[53].

Данное мнение С. Мелик-Меграбова в дальнейшем меняется наперекор коллегам по цензурному комитету. Так, 14 марта 1889 г. княгиня Варвара Авалова представляет в цензуру произведение «Родина» («სამშობლო» – «Самшобло»), чтобы получить разрешение на постановку этой пьесы в Банковском театре. Одноименную пьесу В. Сарду, переделанную князем Д. Эристовым и изданную в типографии Меликова по цензурному дозволению от 22 июня 1882 г., председатель К. Якимов и два члена Кавказского цензурного комитета – старший цензор В. Безобразов и младший цензор Г. Караханов – посчитали нежелательной для постановки. Причина заключалась в том, что немалую часть мирного населения края составляли персы, а цензоры посчитали некорректным разыгрывать на их глазах сцены варварства их предков и сослались на то, что ставить пьесу «едва ли политично по отношению к этому народу, так и Персидскому правительству»[64].

С. Мелик-Меграбов интерпретировал пьесу по-своему: хотя некоторые личности видели в произведении стремление к сепаратизму грузинского народа, но, по его мнению, пьеса показывала, в какой степени грузинский народ проникнут чувством любви

к своей родине и в то же время является истинным приверженцем христианской веры, за которую принесли себя в жертву лучшие сыны грузинского народа. В своем докладе цензор заявлял о безграничной преданности грузин России, а также монарху.

А если пьеса считается оскорбительной для мусульман, то вместе с ней цензор предлагал запретить также постановку армянских драматических произведений, разрешенных прежним Наместником, в которых присутствовали сцены жестокости, «которой подвергались армяне в борьбе за веру, как, например, “Вардан Мамиконян”, “Аршак II”, “Самвел”»[65]. Следует заметить, что пьеса «Родина» была разрешена к постановке только в 1891 г.[66]

Примечательно, что уже в 1907 г. С. Мелик-Меграбов в своем письме к русскому царю Николаю II, подводя итог своих «предвидений», пишет, что «плоды у всех на виду»: открытое стремление к сепаратизму еще так недавно горячо преданного России грузинского народа и не менее привязанного к ней армянского народа, а также мощный фактор в лице татар, стоящих во главе общемусульманского движения в России, которые «причинят России больше хлопот, чем все инородцы вместе взятые»[67].

Выводы

Можно констатировать, что деятельность С. Мелик-Меграбова в Кавказском цензурном комитете проходила в различных социально-политических реалиях, что наложило свой отпечаток на методы работы цензора. В целом его отношение к местной печати зависело от личных отношений с сотрудниками редакций, а интерпретация творческой продукции и деятельности местных и иностранных авторов могла идти вразрез с суждениями коллег. Рассуждения о содержании местной и иностранной прессы носили упреждающий характер, что часто являлось средством дискредитации председателя и сотрудников Кавказского цензурного комитета. Обособление от коллектива в конечном итоге стало причиной изоляции, а впоследствии и увольнения цензора. Демонстративное стремление С. Мелик-Меграбова угодить российскому престолу способствовало созданию им стереотипного образа тифлисской прессы, проповедующей узконациональные идеи нелояльных к российскому политическому строю сил. Данное обстоятельство часто игнорировалось местным руководством, но иногда оказывало серьезное воздействие на принятие решений столичными властями.

Примечания

[1] *Арцруни Г. Е.* Пресса и цензура // Мшак. 1891. № 28. Март, 12. С. 1.

[2] *Варадинов Н. В.* Сборник узаконений и распоряжений правительства по делам печати. СПб.: Тип. Ретгера и Шнейдера, 1878. С. 259–260.

[3] Первый процесс «Обзора»: первый отчет заседаний тифлисского окружного суда и тифлисской судебной палаты. Тифлис: Изд-во Центральной книжной торговли, 1879. С. 58–59.

[4] Армянский писатель Раффи в историографическом исследовании «Меликства Хамсы» утверждает, что отец цензора Аваг Хан Мелик-Меграбов был уроженцем Нахичевани и служил в русском консульстве в Тебризе, одновременно являясь начальником местных русскоподданных купцов (таджир-баша): «Он снискал большое уважение и славу в Персии, а среди местных христиан оставил незабвенную память, дважды избавляя армян Тебриза от страшной резни разъяренных фанатизмом мусульман» (*Раффи*. Меликства Хамсы // Раффи. Собр. соч.: в 10 т. Т. 10. Ереван: Айпетрат. 1964. С. 349.

[5] Рознец – прочтение слова «цензор» наоборот. *Патканян Р.* Бесконечные стенания // Гамар-Катипа. Стихотворения. Петербург: Тип. Я. И. Либермана, 1895. С. 157–158.

[6] РГИА. Ф. 776. Оп. 20. Д. 614. Л. 571 об.

[7] Первый процесс «Обзора». Указ. соч. С. 79-80.

[8] РГИА. Ф. 776. Оп. 20. Д. 614. Л. 321 об.

[9] Там же. Л. 327.

[10] Там же. Л. 598 об.

[11] РГИА. Ф. 776. Оп. 20. Д. 616. Л. 24-25.

[12] Кешкюль: перев. с арабск. ‘портфель’; с азерб. ‘большая чаша для сбора подаяний, выдолбленная из кокосового ореха или сделанная из дерева’. В восточной классической литературе – сборник стихов, сборник литературных произведений. Насраддинов Н. Первый номер журнала «Кешкюль» Режим доступа: http://zim.az/media/776-kkl-jurnalnn-birinci-nmrsi-tiflis31-yanvar-1883-c-il-v-yaxud-tarixilr-trtib-et-diyiniz-drsliklri-bir-daha-yoxlayn.html (дата обращения: 25.05.2022).

[13] НАГ. Ф. 480. Оп. 1. Д. 967. Л. 1.

[14] Там же.

[15] Там же. Л. 1-9.

[16] Первый процесс «Обзора». Указ. соч. С. 13.

[17] В четверг, 22 мая... // Кавказ. 1880. № 140. Май, 24. С. 2.

[18] Письмо к редактору // Кавказ. 1880. № 143. Май, 27. С. 2.

[19] Внутренние новости // Мшак. 1882. № 101. Июнь, 9. С. 2.

[20] Маленькие новости // Меху Айастани. 1882. № 61. Июнь, 13. С. 4.

[21] Газета «Русский курьер» ... // Кавказ. 1882. № 152. Июнь, 11. С. 1.

[22] *Раффи*. Письмо Мелкону Паняну // Раффи. Собр. соч. в 10-и т. Т. 10. Ереван: Айпетрат, 1964. С. 573.

[23] РГИА. Ф. 776. Оп. 20. Д. 614. Л. 40.

[24] РГИА. Ф. 776. Оп. 20. Д. 615. Л. 241 об.

[25] Практика местных ростовщиков... // Новое обозрение. 1885. № 357. Янв., 9. С. 2.

[26] Тифлис. 18 января // Новое обозрение. 1885. № 367. Янв., 19. С. 2.

[27] Там же.

[28] РГИА. Ф. 776. Оп. 20. Д. 614. Л. 56–57.

[29] Там же. Л. 58 об.

[30] НАГ. Ф. 480. Оп. 1. Д. 761. Л. 1.

[31] РГИА. Ф. 776. Оп. 20. Д. 615. Л. 218 об.

[32] Там же.
[33] РГИА. Ф. 776. Оп. 20. Д. 614. Л. 551.
[34] РГИА. Ф. 776. Оп. 20. Д. 616. Л. 141.
[35] РГИА. Ф. 776. Оп. 20. Д. 614. Л. 269.
[36] Там же. Л. 571.
[37] Там же. Л. 39–42.
[38] РГИА. Ф. 776. Оп. 20. Д. 616. Л. 133.
[39] РГИА. Ф. 776. Оп. 20. Д. 615. Л. 209 об.
[40] ГНЦР. Ф. Е. Вайденбаума. Д. 60. Л. 62.
[41] РГИА. Ф. 776. Оп. 20. Д. 614. Л. 388–389.
[42] ГНЦР. Фонд Е. Вайденбаума. Д. 60. Л. 75–75 об.
[43] РГИА. Ф. 776. Оп. 20. Д. 614. Л. 353.
[44] Там же. Л. 60.
[45] Там же. Л. 40 об.
[46] Там же. Л. 63 об.
[47] Там же. Л. 322.
[48] Там же. Л. 407 об
[49] Там же. Л. 325.
[50] Там же. Л. 59 об.
[51] Там же. Л. 323.
[52] Там же. Л. 41.
[53] РГИА. Ф. 776. Оп. 20. Д. 616. Л. 149–150.
[54] Там же. Л. 149.
[55] РГИА. Ф. 776. Оп. 20. Д. 614. Л. 420 об.
[56] Там же. Л. 40.
[57] Там же. Л. 215.
[58] Там же. Л. 55.
[59] Там же. Л. 56.
[60] Там же. Л. 325.
[61] Там же. Л. 213.
[62] Там же. Л. 41.
[63] Там же. Л. 41 об.
[64] НАГ. Ф. 480. Оп. 1. Д. 975. Л. 8.
[65] Там же. Л. 3 об.
[66] Там же. Л. 17.
[67] РГИА. Ф. 776. Оп. 20. Д. 615. Л. 209 об.–210.

Библиография

Аракелян Ф. А. Иноэтническая пресса в России. По материалам армянской печати. СПб.: Роза мира, 2004.

Арешян С. Г. Армянская печать и царская цензура. Ереван: Изд-во АН Арм ССР, 1957.

Гаджиева Л. О. Влияние первой русской революции на развитие русскоязычной печати в Баку // Актуальные проблемы изучения гуманитарных наук. 2018. № 1. С. 139–145.

Геворкян Л. М. Григор Арцруни и его «Мшак». Ереван: Изд-во НАН РА, 1996.

Даниелян Т. Р. Взгляды цензора Соломона Мелик-Меграбова на иноэтнический фактор в прессе Российской империи // Медиа в современ-

ном мире. 60-е Петербургские чтения: сб. матер. Междунар. научн. форума (30 июня – 2 июля). Т. 2. СПб.: Медиапапир. 2021. С. 17–19.

Жилякова Н. В. Злой цензор, добрый цензор: специфика цензурирования первой частной газеты в Томске («Сибирская газета», 1881–1888 гг.) // Вестн. Томск. гос. ун-та. Филология. 2019. № 61. С. 256–270. DOI: 10.17223/19986645/61/15

Жирков Г. В. История цензуры в России XIX-XX вв: учеб. пособие. М.: Аспект Пресс, 2001. Режим доступа: http://evartist.narod.ru/text9/37.htm#%D0%B7_15 (дата обращения: 26.04.2022).

Жирков Г. В. Прощание журналистики с литературным процессом // Русская литература и журналистика в движении времени. Ежегодник 2017 / под ред. проф. *Е. И. Орловой*. М.: Фак. журн. МГУ, 2018. С. 307–319.

Зейналов А. А. Проблема взаимоотношений азербайджанской литературы и печати с цензурой (1850-1905): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Баку, 1990.

Лавров А. В. Как Корней Чуковский не стал политическим заключенным (материалы к истории журнала «Сигнал») // Русская литература. 2016. № 2. С. 124–140.

Мелконян А. Литературное наследие Петроса Мадатяна (ашуга Сеяда) // Эчмиадзин: Святой Эчмиадзин. 2016. Июнь. С. 62–73.

Мовлаева С. А. Статья первого исследователя «Каспия» // «Газета трех веков» / под ред. *Н. Маммадли*. Баку: Издательское дело, 2016. С. 17–23.

Мхитарян М. Из материалов Кавказского цензурного комитета // Историко-филологический журнал. 1974. № 3. С. 105–112.

Патрушева Н. Г. Цензоры дореволюционной России половины 19 – начала 20 века (историко-социологический аспект) // Вестн. Брянск. гос. ун-та: история, литературоведение, право, языкознание. 2011. № 2. С. 82–85.

Патрушева Н. Г. Цензурное ведомство в государственной системе Российской империи во второй половине XIX – начале XX века. СПб.: Северная звезда, 2013.

Сенюткина О. Н., Гусева Ю. Н. Панисламизм и пантюркизм в осмыслении российских чиновников (начало XX века) // Новый исторический вестник. 2019. № 2 (60). С. 21–36. DOI: 10.24411/2072-9286-2019-00010

Табидзе М. Особенности тайного и открытого языкового планирования 19–20 вв. в Грузии (цензура) // Спекали. 2012. № 5. С. 54–69.

Тунян В. Г. Деятельность католикоса Макара 1885–1891 гг. Ереван: Чартарагет, 2011.

Чиковани Л. Ф. Нико Николадзе и демократическая печать Грузии 70–80-х годов XIX века (по материалам местных русских газет). Тбилиси: Мецниереба. 1989.

Notes

Artsruni G. E. (1891) Pressa i tsenzura [The Press and Censorship]. *Mshak* 28, 12 March: 1.

Gazeta «Russkiy kur'yer» ... [The Russky Kuryer Newspaper]. *Kavkaz* 152, 11 June: 1.

GNTsR Fond E. Vaydenbauma. D. 60 [Georgian National Centre of Manuscripts. Fund E. Vaydenbaum. File 60].

Malen'kiye novosti [Minute News] (1882) *Mekhu Hayastani* 61, 13 June: 4.

NAG. F. 480. Op. 1. D. 967. L. 1. [National Archive of Georgia. Fund 480. Inv. 1. File 967. Sh. 1].

Nasraddinov N. *Pervyy nomer zhurnala «Keshkyul'»* [The First Issue of the Keshkiul Magazine]. Available at: http://zim.az/media/776-kkl-jurnalnn-birinci-nmrsi-tiflis31-yanvar-1883-c-il-v-yaxud-tarixilr-trtib-etdiyiniz-drsliklri-bir-daha-yoxlayn.html (accessed: 25.05.2022).

Patkanyan R. (1895) *Beskonechnyye stenaniya* [Endless Moaning]. In Gamar-Katipa. *Stikhotvoreniya* [Poems]. St. Petersburg: Publ. of Ya. I. Liberman. Pp. 157–158.

Pervyy protsess «Obzora»: pervyy otchet zasedaniy tiflisskogo okruzhnogo suda i tiflisskoy sudebnoy palaty [The First Trial of Obzor: the First Report of the Sessions of the Tiflis District Court and the Tiflis Judicial Chamber] (1879) Tiflis: Publ. of Tsentral'noy knizhnoy torgovli. Pp. 58–59.

Pis'mo k redaktoru [A Letter to the Editor] (1880) *Kavkaz* 143, 27 May: 2.

Praktika mestnykh rostovshchikov [The Practice of Local Moneylenders] (1885) *Novoye obozreniye* 357, 9 January: 2.

Raffi (1964) Pis'mo Melkonu Panjanu [A Letter to Melkon Panyan]. In *Raffi. Sobr. soch. v 10-i t. T. 10* [Raffi. Collected works in 10 volumes. Vol. 10]. Yerevan: Aypetrat Publ. P. 573.

Raffi (1964) Melikstva Hamsy [Melikdoms of Hamsa]. In *Raffi. Sobr. soch. v 10-i t. T. 10* [Raffi. Collected works in 10 volumes. Vol. 10]. Yerevan: Aypetrat Publ.

RGIA. F. 776. Op. 20. D. 614, 615, 616 [Russian State Historical Archive. Fund 776. Inv. 20. Files 614, 615, 616].

Tiflis. 18 yanvarya [Tiflis. January 18] (1885) *Novoye obozreniye* 367, 19 January: 2.

V chetverg, 22 maya... [On Thursday, May 22...] (1880) *Kavkaz* 140, 24 May: 2.

Varadinov N. V. (1878) *Sbornik uzakoneniy i rasporyazheniy pravitel'stva po delam pechati* [Collection of Legislations and Orders of the Government on Press Matters] St. Petersburg: Retgera i Shneydera Publ. Pp. 259–260.

Vnutrenniye novosti [Domestic News] (1882) *Mshak* 101, 9 June: 2.

References

Arakelyan F. A. (2004) *Inoetnicheskaya pressa v Rossii. Po materialam armyanskoy pechati* [The Foreign-Ethnic Press in Russia. A Case Study of the Materials of the Armenian Press]. St. Petersburg: Roza mira Publ. (In Russian).

Areshyan S. G. (1957) *Armyanskaya pechat' i tsarskaya tsenzura* [The Armenian Press and Tsarist Censorship]. Yerevan: Publisher of the Academy of Sciences of the Armenian SSR. (In Russian).

Chikovani L. F. (1989) *Niko Nikoladze i demokraticheskaya pechat' Gruzii 70–80-kh godov XIX veka (po materialam mestnykh russkikh gazet)* [Niko Niko-

ladze and the Democratic Press of Georgia in the 70s-80s of the 19th Century (a Case Study of the Materials from Local Russian Newspapers)]. Tbilisi: Metsniyereba Publ. (In Russian)

Danielyan T. R. (2021) Vzglyady cenzora Solomona Melik-Megrabova na inojetnicheskij faktor v presse Rossiyskoy imperii [The Views of the Censor Solomon Melik-Megrabov on the Foreign-Ethnic Factor in the Russian Empire's Press] In *Media v sovremennom mire. 60-e Peterburgskie chteniya: sb. mater. Mezhdunar. nauchn. foruma (30 iyunya – 2 iyulya). T. 2.* [Media in the Contemporary World. The 60th Petersburg Readings: Proceedings of the International Scientific Forum (June 30 – July 2). Vol. 2]. St. Petersburg: MediaMir Publ. Pp. 17–19. (In Russian)

Gadzhiyeva L. O. (2018) Vliyaniye pervoy russkoy revolyutsii na razvitiye russkoyazychnoy pechati v Baku [The Influence of the First Russian Revolution on the Development of the Russian-Language Press in Baku]. *Aktual'nyye problemy izucheniya gumanitarnykh nauk* 1: 139–145. (In Russian)

Gevorkyan L. M. (1996) *Grigor Artsruni i ego «Mshak»* [Grigor Artsruni and his Mshak]. Yerevan: Publishing house of the National Academy of Sciences of the Republic of Armenia. (In Armenian)

Lavrov A. V. (2016) Kak Korney Chukovskiy ne stal politicheskim zaklyuchennym (materialy k istorii zhurnala «Signal») [How Korney Chukovsky Did Not Become a Political Prisoner (Materials for the History of the Signal Magazine)]. *Russkaya literatura* 2: 124–140. (In Russian)

Melkonyan A. (2016) Literaturnoye naslediye Petrosa Madatyana (ashuga Seyada) [Literary Heritage of Petros Madatyan (ashug Seyada)]. *Echmiadzin: Svyatoy Echmiadzin* June: 62–73. (In Armenian)

Mkhitaryan M. (1974) Iz materialov Kavkazskogo tsenzurnogo komiteta [From the Materials of the Caucasian Censorship Committee]. *Historical-Philological Journal* 3: 105–112. (In Armenian)

Movlayeva S. A. (2016) Stat'ya pervogo issledovatelya «Kaspiya» [Article by the first explorer of the Caspian Newspaper] In N. Mammadli (ed.) "*Gazeta trekh vekov"* [Newspaper of Three Centuries]. Baku: Izdatel'skoye delo Publ. (In Russian)

Patrusheva N. G. (2011) Tsenzory dorevolyutsionnoy Rossii vtoroi poloviny XIX – nachala XX veka (istoriko-sotsiologicheskiy aspekt). [Censors of Pre-Revolutionary Russia in the Second Half of the 19th – Early 20th Century (the historical and sociological aspect).] *Vestnik Bryanskogo gosudastvennogo universiteta: istoriya, literaturovedeniya, pravo, yazykoznaniye* 2: 82–85. (In Russian)

Patrusheva N. G. (2013) *Tsenzurnoye vedomstvo v gosudarstvennoy sisteme Rossiyskoy imperii vo vtoroy polovine XIX – nachale XX veka* [The Censorship Department in the State System of the Russian Empire in the Second Half of the 19th – Early 20th Century] St. Petersburg: Severnaya Zvezda Publ. (In Russian)

Senyutkina O. N., Guseva Yu. N. (2019) Panislamizm i pantyurkizm v osmyslenii rossiyskikh chinovnikov (nachalo XX veka) [Pan-Islamism and Pan-Turkism as Understood by Russian Officials (Early 20th Century)]. *Novyy istoricheskiy vestnik* 2 (60): 21–36. DOI: 10.24411/2072-9286-2019-00010 (In Russian)

Tabidze M. (2012) Osobennosti taynogo i otkrytogo yazykovogo planirovaniya 19–20 vv. v Gruzii (tsenzura) [The Peculiarities of Secret and Open Linguistic Planning in Georgia of the 19th-20th centuries (Censorship]. *Spekali* 5: 54–69. Available at: http://www.spekali.tsu.ge/index.php/en/article/viewArticle/5/43 (accessed: 26.04.2022). (In Georgian)

Tunyan V. G. (2011) *Deyatel'nost' katolikosa Makara 1885–1891 gg.* [Activity of Catholicos Makar 1885–1891]. Yerevan: Chartaraget Publ. (In Russian)

Zeynalov A. A. (1990) *Problema vzaimootnosheniy azerbaydzhanskoy literatury i pechati s tsenzuroy (1850–1905)*: avtoref. dis. ... dokt. filol. nauk. [The Problem of Relationship between Azerbaijani Literature and the Press with Censorship (1850–1905): extended abstract of Dr. philol. sci. diss.] Baku. Available at: http://cheloveknauka.com/problema-vzaimootnosheniy-azerbaydzhanskoy-literatury-i-pechati-s-tsenzuroy-1850-1905 (accessed: 26.04.2022). (In Russian)

Zhilyakova N. V. (2019) Zloy tsenzor, dobryy tsenzor: spetsifika tsenzurirovaniya pervoy chastnoy gazety v Tomske («Sibirskaya gazeta», 1881–1888 gg.) [A Bad Censor, A Good Censor: Specificity of Censoring the First Private Newspaper in Tomsk (Sibirskaya Gazeta, 1881–1888)]. *Vestn. Tomsk. gos. un-ta. Filologiya* 61: 256–270. DOI: 10.17223/19986645/61/15 (In Russian).

Zhirkov G. V. (2001) *Istoriya tsenzury v Rossii XIX–XX vv: Uchebnoye posobiye* [History of Censorship in Russia of the 19th – 20th Centuries: a Study Guide]. Moscow: Aspekt Press Publ. Available at: http://evartist.narod.ru/text9/37.htm#z_15 (accessed: 26.04.2022). (In Russian)

Zhirkov G. V. (2018) Proshchaniye zhurnalistiki s literaturnym protsessom [Farewell of Journalism with the Literary Process]. In E. I. Orlova (ed.) *Russkaya literatura i zhurnalistika v dvizhenii vremeni. Ezhegodnik 2017* [Russian Literature and Journalism in the Movement of Time. Yearbook 2017]. Moscow: MSU Faculty of Journalism Publ. (In Russian)

Поступила в редакцию
15.06.2022